

риалом, собранным одинаковым методом от типичных представителей каждого говора, и подвергать этот материал возможно более точно, не только качественному, но и количественному анализу. Поступая таким образом, мы получаем возможность не только констатировать «языковые состояния» (*états de langue*), но и обнаруживать эволюционные тенденции и механизмы действия тех сил, которые являются факторами эволюции в различных областях языка.

В речи индивида могут сосуществовать параллельно черты, в принципе характеризующие разные языковые системы. К таким чертам относятся, например, существование носовых гласных в польском языке — и отсутствие их в русском, редукция безударных гласных в русском языке — и отсутствие этой редукции в польском. Такова «качественная» формулировка фактов и «качественная» характеристика языковых систем. Зародышевые проявления как исчезновения ринезма, так и редукции безударных гласных и слияния в одном звуке гласного, являющегося результатом понижения переднего носового гласного, с редуцированным *a*, наконец, явление спорадической лабиализации носового гласного или гласного, соседнего с носовым согласным (произношение *klucykiet* — литер. *kluczukiet* «ключиком»), — все это мы обнаруживаем в речи одного лица. Здесь мы можем найти в микроскопических размерах, в колеблющихся чередованиях точки пересечения путей, которые исторически вели к социально стабилизированным нормам различий между славянскими языками.

Ограничиваясь этими фрагментарными примерами и замечаниями, мы сознаем, что многие вопросы еще остаются не решенными. Если принять во внимание соотношение случаев произношения носового гласного как такового и произношения носового с более или менее четким консонантным носовым элементом, выраженное приведенной выше пропорцией (см. таблицу), то мы легко определим произношение типа Т как черту, исчезающую в фонетике данного говора, произношение же типа ENT — как распространенное и имеющее все шансы стать единственным — хотя бы потому, что оно совпадает с общелитературным произношением. Но является ли произношение типа ENT у нашего информатора только результатом влияния литературного произношения? Информатор в городе не бывает и сталкивается с литературным произношением лишь тогда, когда слышит речь молодежи, находящейся под влиянием школы. Да и вообще, если мы примем, что вокальный ринезм был исходным пунктом наступившей впоследствии эволюции носовых гласных в польском языке, то чем объяснить, что общей нормой стал ринезм асинхронический?

Из признания того, что язык по самому своему существу — явление общественное, никак не следует, что лингвист не должен стремиться как можно точнее анализировать языковые процессы физиологического характера, глубже познать сложный механизм деятельности высших центров нервной системы человека, т. е. деятельности мозга. Если мы стремимся к углублению знаний обо всем, что в отдельном человеческом организме служит общественно-коммуникативным действиям, то это не является, разумеется, возвращением к психологизму. Ведь поиски путей к открытию психологических законов, которые бы априорно обуславливали функционирование сознания каждого индивида, взятого само по себе, качественно, принципиально отличаются от поисков законов динамического уравнивания организма каждого индивида с непрерывно действующим на него миром внешних влияний. Этот круг вопросов не может быть чужд языковедению, а в особенности той его отрасли, которая непосредственно, в конкретной, повседневной работе сталкивается со всевозможными вопросами, касающимися соотношения эндогенических и экзогенических факторов в языке, т. е. диалектологии.

В. Дорошевский

СЛЕДЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, принято считать, что одной из наиболее характерных черт монгольских (и вообще алтайских) языков является отсутствие в них категории Грамматического рода. Правда, следы его в этих языках пытались найти многие исследователи. Так, например, Б. Я. Владимирцов в своей заметке «Следы грамматического рода в монгольском языке»¹ сделал сообщение о том, что монгольские словообразовательные суффиксы *-чин*, *-джин*, *-хан* и *-гуй* представляют собою следы бывшего выражения грамматической категории женского рода: *алаг* «пестрый» — *алагчин* «пеструха» (о корове), *гунан* «самец трех лет» — *гунаджин* «самка трех лет», *ноян* «князь, господин» — *ноязан* «молодая девица, барышня», *худа* «сват» — *худагуй* «сватья». К этим же явлениям Б. Я. Владимирцов добавил также использование в словообразовательных целях гармонии гласных: *ага* «старший брат, старший» — *еке* «матушка, старшая». Уже после смерти Владимирцова некоторые случаи различия имен, обозначающих в монгольском языке живые существа мужского и женского рода, отметил П. Целлио,

¹ См. «Доклады Росс. Акад. наук», Л., 1925, стр. 31—34.

приводя примеры типа *суту* «император» — *сутай* «императрица», *хутугту* «святой» — *хутугтай* «святая» и женские собственные имена на *-тань* ~ *-тени*¹.

В приведенных примерах Б. Я. Владимирцов и П. Пеллио склонны были видеть следы категории грамматического рода и считали, что для выражения этой категории используются, во-первых, специальные словообразовательные суффиксы и, во-вторых, гармония гласных. Относительно последней Б. Я. Владимирцов, например, писал, что при помощи сингармонизма монгольский язык некогда «производил различие по родам»². Как известно, в тюркских и особенно тунгусо-маньчжурских языках подобные явления обнаруживаются также в достаточном количестве. В маньчжурском языке использование гармонии гласных для различения имен по «роду» распространяется даже и на заимствованные слова, например *арсалань* «лев» — *эрсалань* «львица».

Конечно, все эти случаи нельзя рассматривать как свидетельство наличия в монгольском языке категории грамматического рода. Приведенные выше суффиксы и явления гармонии гласных используются только в сфере словообразования для различения имен, обозначающих живые существа по полу. О грамматическом же роде в точном смысле этого слова можно говорить лишь в случае его грамматического же проявления, например, в согласовании определения с определяемым и сказуемого с подлежащим, чего в монгольских языках до сих пор не обнаруживалось.

Однако тот же П. Пеллио в весьма осторожной форме высказал свое предположение о том, что следы грамматического рода в монгольском языке, возможно, сохраняются в суффиксах форм прошедшего времени изъявительного наклонения *-ба* и *-би*, зарегистрированных в текстах «Сокровенного сказания» (1240 г.)³.

К сожалению, это предположение П. Пеллио до сих пор оставалось в монголистике незамеченным. И только недавно японский монголист Одава Сигэо в своей статье «Гэнте: хисси моко-но до:си гоби»⁴ сообщил о том, что в текстах «Сокровенного сказания», а именно в системе глагольных форм в языке этого памятника, действительно обнаруживаются признаки грамматического рода.

Дело в том, что монголисты давно уже зарегистрировали в текстах «Сокровенного сказания» суффиксы изъявительных форм: 1) для настояще-прошедшего времени: *-ба* ~ *-бе* ~ *-би* и 2) для заведомо известного прошедшего времени: *-ла'а* ~ *-ле'е* ~ *-ла'ай* ~ *-ле'ай* ~ *-лай* ~ *-ла'у* ~ *-ле'у* ~ *-лу'а* ~ *-лу'е* ~ *-лу'ай* ~ *-лу'гай* ~ *-лиги* ~ *-ли'и*. Эти суффиксы считались лишь фонетическими вариантами одних и тех же показателей названных изъявительных форм. А между тем теперь Одава Сигэо твердо устанавливает, что в текстах «Сокровенного сказания» суффиксы *-би* и *-лиги* ~ *-ли'и*, которые являются формами выражения женского рода, в указанных временах противопоставляются всем прочим перечисленным здесь суффиксам, являющимся формами мужского рода, и что глагольные сказуемые, выраженные описываемыми здесь изъявительными формами, соответственно согласовываются с подлежащими мужского или женского рода⁵. При этом любопытно, что форма женского рода употребляется и тогда, когда в данном предложении речь идет о женщине, а не только при наличии подлежащего, обозначающего женщину.

Таким образом, отныне можно считать установленным несомненный факт наличия в древнемонгольском языке категории грамматического рода, точнее говоря, категории мужского и женского родов в глагольной системе монгольского языка XIII в. При этом следует отметить, что весьма знаменательный факт, что если в сфере словообразования средством дифференциации имен, обозначающих живые существа по полу, в монгольских языках служит деление гласных по способу их образования на гласные заднего и переднего рядов, то в области словоизменения различение мужского и женского родов осуществляется при помощи противопоставления нейтрального гласного *i* гласным и заднего, и переднего рядов. Совершенно очевидно, что наблюдения Одава Сигэо коренным образом меняют наши представления о грамматической системе монгольских языков вообще, но в крайней мере, применительно к их историческому прошлому⁶. Теперь становится более ясной сущность чередования (и гармония) гласных в монгольских языках, которое некогда непонималось не только в сфере словообразования, как это впервые было установлено Б. Я. Владимирцовым, но и в области словоизменения.

Г. Д. Санжеев

¹ P. Pelliot, Le vrai nom de «Serodtan», *T'oung Pao*, vol. XXIX, Leide, 1932.

² Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 133.

³ См. P. Pelliot, указ. соч., стр. 51.

⁴ См. журн. «Токиё гайкокуго дайгаку рондо», Токио, 1955, № 4, стр. 1—19 (краткое резюме на англ. яз., стр. 106).

⁵ Одава Сигэо, по-видимому, не обратил внимания на упомянутую выше статью П. Пеллио, так как в его работе на нее нет ссылки.

⁶ Об этом же см.: G. Doerfer, Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen, «Central Asiatic Journal», vol. I, № 4, Wiesbaden, 1955, стр. 248—266.